

На правах рукописи

КРЕМНЕВА Анна Валерьевна

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БИБЛЕЙСКОГО МИФА
КАК ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА**

(на материале произведений Джона Стейнбека)

Специальность 10.02.19 – общее языкознание,
социолингвистика, психолингвистика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Барнаул 1999

Работа выполнена на кафедре английского языка Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова

Научный руководитель – доктор филологических наук,
профессор В.А. Пищальникова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Ю.А. Сорокин

кандидат филологических наук, доцент Пшенкина Т.Г.

Ведущая организация – Омский государственный педагогический университет

Защита диссертации состоится « » декабря 1999 г. в « » на заседании диссертационного Совета Д 064.45.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Алтайском государственном университете (656099, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Алтайского государственного университета

Автореферат разослан « » ноября 1999 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
Кандидат филологических наук, доцент

Е.В. Лукашевич

Реферируемая диссертация относится к исследованиям в области теории интертекстуальности в аспекте понимания текста и посвящена изучению специфики функционирования библейского мифа как прецедентного текста.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных исследованию интертекстуальности (Kristeva 1969, 1970; Барт 1989; Riffaterre 1972; Bloom 1973; Eco 1984; Лотман 1981, 1984, 1987, 1994; Топоров 1981; Смирнов 1995; Арнольд 1993, 1995; Обнорская 1995, Гучинская 1993; Фатева 1997 и др.), проблема остается актуальной. Это обусловлено прежде всего тем, что изучение интертекстуальных связей в художественном тексте связано с проблемой обнаружения смысла речевого произведения, являющейся одной из главных проблем лингвистики. Интертекстуальность рассматривается как феномен, без учета которого понимание смысла художественного текста зачастую оказывается невозможным. Кроме того, изучение следов присутствия наиболее значительных текстов прошлого в произведениях современных авторов способствует выявлению закономерностей трансляции культуры от поколения к поколению.

Поле для исследований в области интертекстуальности достаточно велико: здесь есть место и для литературоведа, и для специалиста в области лингвистики текста, и для психолингвиста. Если литературоведа интересуют в первую очередь источники литературных прототекстов, а исследователя по лингвистике текста - способы включения интекстов в художественное произведение, то к сфере интересов психолингвиста относятся такие вопросы, как способы хранения прототекстов в языковом сознании автора и читателя, межтекстовая компетентность читателя и ее роль в понимании смысла художественного текста с интертекстуальными включениями, роль прецедентных текстов в формировании концепта произведения, идиостиля автора и др.

Появление новых парадигм, и в первую очередь когнитивной, претендующей на доминантное положение в психологии и лингвистике конца XX века, позволяет вывести исследования в области интертекстуальности на более высокий концептуальный и терминологический уровни.

Как известно, к числу наиболее значительных и частотных прецедентных текстов относится миф, в том числе библейский. Библия как основа христианской культуры стала поистине "текстом текстов", вечным и неисчерпаемым источником ведущих идей, образов и мотивов во всех сферах искусства. Библейский языковой стиль, словарь и синтаксис, библейская образность, а главное, смысловое содержание Библии оказывали и оказывают влияние на многие поколения писателей.

Данная работа посвящена исследованию характера вербального представления библейского мифа в произведениях американского писателя Джона Стейнбека и роли мифа в формировании смысла художественного текста и идиостиля писателя. Выбор произведений названного автора в качестве **объекта исследования** продиктован тем, что библейский миф присутствует практически во всех произведениях этого автора, повторяясь, переходя из произведения в произведение,

образуя своеобразный транстекстуальный континуум и становясь одним из структурообразующих факторов идиостиля писателя.

Актуальность предпринятого исследования определяется целым рядом факторов. Во-первых, необходима дальнейшая разработка основ методики ведения интертекстуального анализа на материале творчества различных авторов, в том числе разноязычных, с целью обнаружения закономерностей функционирования прецедентных текстов. Это позволяет сформулировать базовые положения общей теории интертекстуальности. Во-вторых, изучение многочисленных работ, в которых рассматривается влияние Библии на творчество Джона Стейнбека (Brasch 1977; Cannon 1962; Carlson 1958; Crocket 1962; Dunn 1963; Hamby 1973; Lisca 1958; McDaniel 1981; Proctor-Murphy 1989; Shockley 1956; Slade 1968 и др.), показывает, что большинство этих работ посвящено теологическому, литературоведческому, философскому и психологическому анализу данной проблемы, в то время как ее языковой аспект продолжает оставаться малоизученным. И, в-третьих, наиболее подробному анализу подвергался роман "Гроздь гнева" в силу его ярко выраженной социальной направленности (см.: Dunn 1963; Батурин 1984; Мулярчик 1963), а роман "К Востоку от Эдема" долгое время продолжал оставаться малоизвестным в нашей стране. Достаточно привести тот факт, что в двухтомном учебнике по американской литературе этому роману отведено 13 строк (История американской литературы 1971, с. 179). Причиной такого забвения романа в 70-е годы, вероятнее всего, служила именно его перегруженность библейскими мотивами и библейской символикой, что, в силу малого знакомства советского читателя с Библией, делало его содержание крайне сложным для восприятия. Однако для лингвиста, занимающегося вопросами интертекстуальности, именно этот роман представляет наибольший интерес, а потому он выбран нами для детального интертекстуального анализа.

Целью работы является исследование характера функционирования библейского мифа в произведениях Джона Стейнбека и роли мифа в формировании доминантных концептов (смыслов) произведения и идиостиля писателя. Поставленная цель конкретизируется в виде следующих **основных задач**:

- рассмотреть сущность феномена интертекстуальности, выделить и описать основные сигналы интертекстуальности и определить ее функции в художественном дискурсе;

- выделить и охарактеризовать основные типы прецедентных высказываний, способы их хранения в языковом сознании и их роль в формировании межтекстовой компетенции читателя;

- охарактеризовать сущность мифа как разновидности конвенционального стереотипа и как одного из наиболее частотных прецедентных текстов;

- провести комплексный поуровневый интертекстуальный анализ романа Джона Стейнбека "К Востоку от Эдема" с целью выявления интертекстуальных связей на композиционно-сюжетном, смысловом, словесном и ритмико- синтаксическом уровнях;

- выявить специфику функционирования библейского мифа в новом культурно-историческом контексте и обусловленность его трактовки менталитетом нации и ее социокультурными ценностями, отраженными в концептуальной системе писателя;

- показать экспериментально роль межтекстовой компетенции читателя в адекватной интерпретации смысла художественного текста с интертекстуальными включениями.

Специфика предмета исследования и перечисленных задач обусловили необходимость обращения к работам в области интертекстуальности, лингвистики текста, психолингвистики, герменевтики и рецептивной эстетики, культурологии, литературоведения, коммуникативной стилистики в ее проекции на текст. **Концептуальную базу** исследования составили теории, связанные с системно-деятельностным подходом к языку (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, Л.В. Щерба), с принципом диалогизации в гуманитарном познании (М.М. Бахтин), с рассмотрением на этой основе художественного текста как диалога автора с читателем (Ю.А. Боров, В.А. Пи-щальникова). Таким образом, наше исследование носит в значительной степени интегративный характер. Мы считаем такой подход вполне оправданным, поскольку он обусловлен как спецификой предмета исследования, так и общей тенденцией лингвистической науки к экспансионизму и сотрудничеству с другими гуманитарными областями знаний (Кубрякова 1997, с.95). Мы пытались также не противопоставлять, а интегрировать лингвистический подход с психолингвистическим, прежде всего принимая во внимание тот неопровержимый факт, что всякая лингвистика - это "немножко психолингвистика уже потому, что языком владеет человек и кардинальные свойства языка коренятся в закономерностях психики человека (и ее материального субстрата - центральной нервной системы)" (Касевич 1988, с. 9).

Интегративный характер работы определил и **методику исследования**, которая является комплексной по своей сути и включает интертекстуальный анализ, осуществляемый с помощью сопоставительного метода, компонентный анализ, прием тематической сетки, используемый для выявления способов репрезентации доминантных личностных смыслов, количественный метод, применяемый для определения степени прецедентной плотности текста, и метод эксперимента, имеющий своей целью показать роль межтекстовой компетенции читателя в понимании и интерпретации смысла художественного текста с интертекстуальными включениями.

Научная новизна исследования состоит в разработке, уточнении и апробации части концептуально-терминологического аппарата теории интертекстуальности. Впервые осуществлен комплексный поуровневый анализ интертекстуальных (библейских) включений в романах Джона Стайнбека. В рамках концепции, развиваемой в работе, интертекстуальность впервые представлена как феномен, который может присутствовать на всех уровнях текста, создавая высокую степень прецедентной плотности.

Теоретическая значимость работы заключается в дальнейшей разработке теории интертекстуальности, а также комплексного поуровневого анализа межтекстовых связей. Анализ романов Джона Стейнбека в интертекстуальном ракурсе позволил получить некоторые дополнительные выводы об особенностях идиостиля автора. Кроме того, в работе выдвинут и последовательно разработан тезис об обусловленности трактовки библейского мифа менталитетом нации и социокультурными ценностями, отраженными в концептуальной системе писателя, что также представляется теоретически значимым.

Практическая значимость работы заключается прежде всего в том, что представленные в ней результаты интертекстуального анализа текстового материала и теоретические положения могут быть использованы в курсах стилистики и интерпретации текста, в диссертационных и дипломных работах, а также стать основой самостоятельного спецкурса по проблемам интертекстуальности.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры английского языка Алтайского государственного технического университета, на пяти научных конференциях (Барнаул 1996, Барнаул 1997, Иркутск 1998, Барнаул 1998, Барнаул 1999) и изложены в семи публикациях автора.

Положения, выносимые на защиту:

1. В соответствии с принципом диалогизма в определении существенных характеристик художественного текста целесообразно выделять два вида интертекстуальности: интертекстуальность автора, находящую свое выражение в порождении интертекстов, и интертекстуальность читателя, находящую свое проявление в способности узнавать, понимать и адекватно интерпретировать смысл художественных текстов с интертекстуальными включениями.

2. Интертекстуальность как межтекстовый фрейм, обеспечивающий адекватность понимания смысла художественного произведения, может проявляться на различных уровнях текста: композиционно-сюжетном, смысловом, словесном и ритмико-синтаксическом. Соотношение интертекстуальных сигналов на различных уровнях определяет степень прецедентной плотности текста и в значительной мере обуславливает понимание текста.

3. Характерной особенностью идиостиля Джона Стейнбека является чрезвычайно высокая степень прецедентной плотности его произведений, что нередко усложняет возможность их адекватной интерпретации и требует глубокой межтекстовой компетенции читателя.

4. Прецедентные высказывания представляют собой лакунизированные фрагменты текста, обусловленные различиями в когнитивных базах (межтекстовой компетенции) автора и читателя.

5. Библейский миф, выступая в качестве одного из наиболее влиятельных прецедентных текстов, не воспроизводится в художественном произведении, а переструктурируется, соотносясь с новым историко-культурным контекстом. Особенность его интерпретации обусловлена менталитетом нации и ее социокультурными

ценностями, находящими субъективное отражение в концептуальной системе писателя.

6. Анализ романов Джона Стейнбека в интертекстуальном аспекте подтверждает тезис о том, что каждый новый текст является частью фрейма не только всех прошлых, но и всех будущих текстов, что свидетельствует о пространственно-временной непрерывности литературно-культурного процесса.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и списка источников фактического материала. Во введении излагаются цели и задачи работы, определяется ее актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость. В первой главе рассматриваются некоторые вопросы теории художественного текста и идиостида, уточняются основные понятия, которые используются в работе; анализируются основные подходы к теории интертекстуальности, виды прецедентных высказываний и их место в структуре сознания; рассматривается сущность мифа как разновидности прецедентного текстэталона и как конвенционального стереотипа, выявляется логика и структура мифа, создающая его многозначность и поливариантность понимания в различных культурно-исторических контекстах. Во второй главе проводится комплексный поуровневый интертекстуальный анализ библейских включений романов Стейнбека и выявляется специфика его идиостида. В последнем параграфе главы рассматриваются некоторые вопросы, связанные с проблемой понимания смысла художественного текста и описываются результаты эксперимента, показывающего роль межтекстовой компетенции читателя в понимании текстов с высокой степенью прецедентной плотности. В заключении подводятся общий итог исследования, и намечаются перспективы дальнейшего изучения проблемы. Библиография включает 205 названий работ отечественных и зарубежных авторов, в том числе 190 работ, на которые имеются ссылки в тексте диссертации, и 15 работ, на которые нет ссылок в диссертации, но обращение к которым было необходимо для формирования концептуальной базы исследования.

Содержание работы

Изучение обширной литературы по проблеме интертекстуальности позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на множественность ракурсов, в которых изучается феномен интертекстуальности: одни исследователи акцентируют источники влияния (Bloom 1973), другие - реконструкцию порождающего процесса (Смирнов 1995), третьи - роль "текста в тексте" в создании непрерывности культурного пространства, "языка семиосферы" (Лотман 1981), большинство исследователей сходятся во мнении о том, что общим условием реализации принципа интертекстуальности является наличие "текста в тексте", мотивы, фрагменты, язык или сюжет которого транспонируются автором в собственный текст и используются им для порождения нового смысла.

Последовательное применение принципа диалогизации при рассмотрении сущности художественного текста привело нас к

необходимости выделения, вслед за рядом авторов (см., например: Фатева 1997) двух видов интертекстуальности: авторской, служащей основой порождения новых смыслов, и читательской, формирующей межтекстовую компетенцию и способствующей восприятию и пониманию интекстов. Выделение двух видов интертекстуальности позволяет детально рассмотреть характер взаимодействия содержания концептуальных систем автора и реципиента.

Исследование проблемы интертекстуальности связано с теорией памяти, способами хранения знаний, в том числе прецедентных текстов в семантической памяти автора и читателя, т. е. изучением ее в "когнитивном аспекте. Рассматриваемые в этом аспекте *прецедентные тексты представляют собой набор фреймов, которые хранятся в долговременной памяти писателя и/или читателя и используются ими для порождения и интерпретации новых смыслов*, а интертекстуальность предстает как межтекстуальный фрейм, обеспечивающий понимание всех смыслов художественного текста. Таким образом, рассмотрение интертекстуальности в рамках когнитивной парадигмы связано в первую очередь с проблемой понимания.

Прецедентные тексты как конвенционально значимая совокупность знаний являются составляющей когнитивной базы читателя. Мы рассматриваем их как *особые интертекстуальные фреймы - структуры, которые, активизируясь в сознании читателя в процессе восприятия текста, способствуют адекватному пониманию его смысла или, по крайней мере, задают направление понимания*. Именно общность когнитивных схем, или фреймов, в которых хранятся прецедентные тексты, рассматривается нами в качестве основного условия, обеспечивающего адекватность пониманию смысла текстов с интертекстуальными включениями.

Об адекватном понимании можно говорить лишь в таких случаях, когда апперцепционная, или когнитивная база автора и читателя оказываются равными, однако такое возможно лишь теоретически. Здесь возможны две крайние границы восприятия. В тех случаях, когда когнитивная база читателя оказывается беднее, чем у создателя текста, прецедентные феномены становятся лакунами, приводящими либо к непониманию, либо к искажению смысла текста (о лакунизирующем влиянии прецедентных текстов см.: Сорокин, Михалева 1993, с.4). В тех же случаях, когда читательский, а особенно исследовательский тезаурус оказывается достаточно богатым, исследователь может расширить содержание текста, привнося в него то, что не было в нем первоначально заложено. Это часто имеет место при интерпретации произведений, написанных в другую историческую эпоху, когда интерпретатор может *использовать в трактовке смысла новый культурно-исторический опыт*, а также *при интерпретации художественного текста представителем другой культуры*, которая также может служить источником добавления новых смыслов к тексту, рожденному в условиях иной культуры.

Основными вербальными сигналами интертекстуальных связей являются цитаты, в том числе аллюзивные, и собственно аллюзии, но

цитаты и аллюзии не исчерпывают собой всего арсенала интертекстуальных маркеров. Мы полагаем, что *интертекстуальность можем находить свое проявление на всех уровнях текста, начиная от композиционно-сюжетного и заканчивая ритмика-синтаксическим*. При этом необходимо признать, что разбиение интертекстуальных связей по уровням является скорее исследовательским приемом, чем текстовой реальностью. В тексте эти разноуровневые сигналы интертекстуальности являются компонентами смыслопорождающей структуры. Вместе с тем присутствие разноуровневых интертекстуальных включений, а также частотность их употребления отражают их значимость в репрезентации доминантных смыслов и могут быть представлены категорией *прецедентной плотности текста*, которая, в свою очередь, задает степень адекватности восприятия текста, выполняя своеобразную суггестивную функцию.

Понятие прецедентной плотности текста, введенное Ю.А. Сорокиным, оказывается релевантным при исследовании как читательской, так и авторской интертекстуальности. Чем выше степень прецедентной плотности текста, тем он сложнее для интерпретатора. С точки зрения авторской интертекстуальности степень прецедентной плотности художественного текста может рассматриваться как один из компонентов идиостиля писателя.

Рассматриваемый как компонент языкового сознания социума, прецедентный текст представляет собой единицу "осмысления человеческих жизненных ценностей сквозь призму языка с помощью культурной памяти" (Костомаров, Бурвикова 1996, с. 297). К числу наиболее значимых и частотных прецедентных текстов относится миф, как классический, так и библейский. Будучи сложным и многоликим феноменом, миф является объектом исследования многих областей знания и имеет множество толкований в зависимости оттого, какой из его компонентов находится в поле зрения исследователя. Для нас особую значимость имеют два аспекта мифа: миф как компонент сознания, конкретно-образный способ мышления, и миф как словесное произведение, являющееся продуктом такого мышления. Опираясь на понимание мифа, представленное в теоретическом наследии А.А. Потебни и его дальнейшее развитие в современных психолингвистических исследованиях (Пищальникова 1993), мы рассматриваем миф как *рассказ о богах или героях, который, повторяясь циклично в течение длительного времени, откладывается в языковом сознании в качестве конвенционального стереотипа, выступающего регулятором восприятия и понимания текста*.

Поскольку в художественном произведении находит свое отражение индивидуальная ментальная картина мира, присущая автору, способы интериоризации мифа в художественном творчестве писателя могут быть различными. Способы репрезентации мифа в творчестве писателя демонстрируют характер субъективного освоения содержания мифа в концептуальной системе автора и являются маркерами идиостиля.

Библия как прототекст христианской культуры оказывает двоякое влияние на литературу. Будучи элементом общей картины мира, она

оказывает влияние на формирование менталитета, нравственных идеалов и ценностей, а с другой стороны, *библейский язык и система библейских образов оказывают моделирующее воздействие на язык и стиль художественных произведений*. Библия часто служит тем "смысловым ядром, силовое поле которого порождает новые смыслы и новые тексты", которыми заполняется смысловое пространство культуры (Мечковская 1998, с. 148).

Исследовательская часть работы посвящена изучению специфики функционирования библейского мифа в творчестве Джона Стейнбека. Опираясь на теоретические положения, разработанные в первой главе работы, мы провели детальный интертекстуальный поуровневый анализ одного из наиболее значительных (по оценке самого автора) произведений Джона Стейнбека - романа "К востоку от Эдема", привлекая в ходе анализа материал других произведений большой и малой формы.

Обращение к библейскому мифу как способу структурирования художественного текста обусловлено особенностями концептуальной системы Джона Стейнбека, основными компонентами которой являются следующие: обязательное религиозное начало в человеке, сопряжение духовного и биологического в человеке, поиски смысла существования как реализация этого сопряжения. Библейский миф представляет основу смыслопорождения, является структурообразующим компонентом текста и обязательным компонентом интерпретативного процесса.

Роман "К востоку от Эдема" представляет собой смысловую иерархическую систему, в которой можно выделить три уровня: семейная хроника, история долины Салинас и ее обитателей, философская притча о сути человеческой природы. Библейский миф является смысловой матрицей этого третьего уровня романа, создавая базу для философского осмысления событий.

Спецификой функционирования библейского мифа в романе является то, что, представляя собой структурно-смысловое целое, он репрезентируется автором на всех уровнях романа: сюжетно-композиционном, смысловом, словесном и ритмико-синтаксическом, реализуясь в эффекте палимпсеста и, отражая высокую степень прецедентной плотности романа, что делает его достаточно сложным для интерпретации.

Диалог с прототекстом - Библией - начинается с заглавия романа, которое представляет собой усеченную аллюзию на библейскую притчу о Каине и Авеле. Топонимическое заглавие вводит основной символ произведения, предидирует его доминантное содержание и актуализирует ассоциативный читательский потенциал. Однако ссылка на библейскую притчу не покрывает всего смысла заглавия, которое в ходе развития сюжета гиперсемантизируется. Акцентируемое многочисленными повторами, название романа образует доминантную сквозную аллюзию, проходящую через все произведение и обеспечивающую параллелизм нарративных линий романа, соположение двух сюжетов, библейского и авторского, превращая сам текст в

сюжетную метафору (термин В.К. Тарасовой) и способствуя тем самым новому прочтению старой притчи о добре и зле.

Аллюзию на притчу о Каине и Авеле дополняет ссылка на библейский сюжет о создании мира и грехопадении, причем эти две притчи тесно увязаны между собой. Самуэль говорит: "Two stories have haunted us from our beginning ... We carry them along us like invisible tails - the story of our original sin and the story of Cain and Abel" (p.350).

Позднее эту же мысль повторяет Ли, говоря, что все романы и вся поэзия сосредоточены на библейской теме борьбы добра и зла в нас самих: "We have only one story. All novels, all poetry are built on the never ending contest in ourselves of good and evil. And it occurs to me that evil must constantly respawn, while good, while virtue is immortal. Vice has always a new fresh face, while virtue is vulnerable as nothing else in the world" (p. 543).

Ли - слуга по должности и философ по призванию, которому в композиции романа отводится особая роль - наблюдать за поступками героев и комментировать эти поступки с позиций общечеловеческих законов, а при необходимости и направлять их поступки. В его словах находит свое воплощение один из ведущих мотивов, образующих совокупность доминантных смыслов в концептуальной системе автора - о сосуществовании в человеке духовного и биологического, светлого и темного начал.

В процессе целенаправленного, заданного текстом со / противопоставления совпадающих сюжетных линий читатель переосмысливает старый сюжет - происходит реинтерпретация ингертекстуальных контактов. Сюжет романа выстраивается так, что в нем возникает эффект тройного параллелизма, поскольку основные сюжетные линии развиваются по исходной, библейской модели. Писатель использует образ "сферического вращения мира" (термин Е.М. Мелетинского: Мелетинский 1976, с. 335), в результате чего история предстает как бесконечное повторение библейского сюжета, таким образом, мифологическое сливается с типическим. Образ сферического вращения мира является, по мнению исследователей, характерной чертой мифологического романа.

Два поколения семьи Трасков - братья Адам и Чарльз и сыновья Адама, близнецы Арон и Калев, вновь воспроизводят трагедию отношений Каина и Авеля. Через постоянно реализуемые интер- и интратекстуальные связи создается эффект большой типической обобщенности: Каин присутствует в каждом из нас ("we are all Cain's children") (p. 354).

Однако Стейнбек не просто цитирует библейский миф, а интерпретирует его иначе. Прежде всего, он устами своих героев пытается найти объяснение и поступку библейского Каина, и поступкам Чарльза и Калеба, а, следовательно, и всем Каинам, живущим в нас. По мысли автора и его персонажей, причина зла, творимого Каинами, - в отвергнутой отцовской любви. Эту основную мысль повторяет Ли: "... most of the vices are attempted short cuts to love" (p.543).

Словно не довольствуясь параллелями и ссылками на две известные притчи, которые тесно переплетаются в сюжете романа, автор полностью цитирует притчу о Каине и Авеле. Притча вводится в композицию романа мотивированно в сцене именовании близнецов. Самуэль зачитывает всю притчу, состоящую из шести стихов. Она органично вплетается в текст, так как, во-первых, читатель подготовлен к ее восприятию, а во-вторых, цитируемый текст перебивается комментариями персонажей. Происходит в прямом смысле слова *диалог с претекстом*. Комментарий, толкования, обсуждение текста притчи персонажами высвечивают разные смыслы, заложенные в ней. Еще раз обнаруживается *многозначность, амбивалентность библейского текста*, "текста на все времена". Такое прямое включение интекста в текст доказывает и актуальность его как интерпретативного поля для автора, и "направленность на диалогичность", намеренное "подключение" реципиента к соположению текста и интекста, в результате чего возникают новые смыслы. Это соотношение акцентирует одну из доминант концептуальной системы Стейнбека: человек обладает волей и разумом, способными преодолеть любое низменное, биологическое начало в нем.

Функция интекста, таким образом, - репрезентация авторского толкования библейской притчи. Путем сравнения переводов центральной строки персонажи приходят к выводу о том, что суть притчи искажена в английских переводах Библии, что древнееврейское слово "timshel" означает не "ты будешь" ("thou shalt rule"), как это переведено в английской версии Библии, изданной при короле Иакове, и не "господствуй" ("do thou rule"), как в американской стандартной Библии, а "Ты можешь господствовать над грехом" ("Thou mayest rule over the sin").

Смена модального оформления библейской фразы имеет огромное значение, поскольку она меняет и смысл притчи, и смысл романа. Человек не обречен на вечное чувство вины за совершенный грех - ему дается свобода выбора, он может господствовать над грехом, что придает ему величие, возвышает его до уровня богов.

Совершенно очевидно, что толкование конвенционального стереотипа - притчи о первородном грехе - определяется не столько содержательной системой Библии, сколько содержанием концептов (личностных стереотипов) в концептуальной системе автора текста. Система вербальных репрезентантов романа, как показывает анализ, акцентирует компоненты доминантного авторского смысла, образуя особый уровень в иерархии смыслов текста. Поскольку представление вышеуказанных компонентов реализуется частотно, оно обладает целенаправленностью, своего рода суггестивностью, а, следовательно, направляет и восприятие реципиента в необходимое автору русло.

Таким образом, усеченная библейская цитата "timshel" задает в романе две сюжетнокульминационные точки: сама цитирование и его интерпретация, следующая через 40 страниц. Слово "timshel" становится репрезентантом смысловой доминанты романа. Впервые появившись в середине романа, оно, затем повторяясь несколько раз в важных

поворотах сюжета, завершает роман, занимая финальную сильную позицию: "His whispered word seemed to hang in the air: "Timshel!" (p.778). Таким образом, в финале романа смысловая доминанта акцентируется, завершая возможную коррекцию образа результата, сложившегося у реципиента в начале чтения произведения.

Более того, она возвращает нас к начальной сильной позиции - заглавию романа и побуждает реинтерпретировать смысл заглавия. Представляя, с одной стороны, усеченную библейскую аллюзию, с другой стороны, репрезентируя доминантный личностный смысл автора, заглавие становится синкретичным, совмещая разные смысловые поля, сопрягая различные понятийно-ассоциативные смыслы.

Следствием иррадиации смысла ключевого слова на заглавие становится изменение смысла заглавия. Оно становится амбивалентным и может быть интерпретировано в рамках библейского интекста как место, куда бог изгнал Каина и, исходя из смысла романа Стейнбека, как место, где живут сегодняшние Каины. При переводе заглавия романа на русский язык эта амбивалентность, к сожалению, неминуемо снимается, а потому возможны два варианта перевода: "*На восток от Эдема*", отражающий смысл оригинальной библейской легенды, и "*К востоку от Эдема*", основанный на интерпретации библейской притчи и ее философского осмысления автором. Второй вариант представляется нам не просто более емким по своему смысловому наполнению, а более адекватно отражающим систему авторских смыслов текста.

Таким образом, давая собственное толкование библейского мифа, основанное на содержании своей концептуальной системы, Стейнбек, по сути дела, использует Библию как прецедентный текст, опираясь на который и отталкиваясь от которого, автор имеет возможность репрезентировать свое актуальное ментальное содержание.

Используя библейский миф, писатель ставит его в новый социально-исторический контекст, истолковывая в соответствии с теми моральными ценностями, которые имеют наибольшую значимость как для него самого, так и для всех американцев. Напомним, что концепт свободы выбора относится к числу центральных концептов американского менталитета: в американской культуре свобода, как подчеркивает М. Уайт, - это прежде всего *свобода выбора* (курсив наш - А.К.) (цитируется по: Вежбицкая 1999, с. 472).

Таким образом, выявляется еще один важный момент: доминантный смысл романа Стейнбека представляет конвенциональный стереотип, а это усиливает целенаправленность содержательной структуры текста, *сужает поле интерпретации* представленного в тексте содержания, способствуя его *адекватному пониманию реципиентом*.

Стейнбек не искажает и не разрушает библейский миф, как его иногда в этом обвиняют (см. например, Lewis 1972, p. 170), он лишь прочитывает его в новом историческом контексте и *на этой основе создает новый миф, созвучный американскому менталитету и американской мечте*. Этот новый миф позднее получит свое дальнейшее развитие в других работах Стейнбека, в частности, в его романе "Путешествия с Чарли в поисках Америки".

Следующим этапом анализа явилось изучение следов библейского присутствия на словесном уровне, где мы анализировали роль библейских антропонимов, библейских слов и библейских образных средств в реализации доминантного смысла романа.

Анализ библейских антропонимов в романе отчетливо выявляет их семантическую двойственность. Библейские антропонимы в романе выполняют важную смыслопорождающую функцию, обнаруживая синкретизм сознания персонажей, их одновременную принадлежность двум возможным мирам: Миру Действия, т.е. миру реальности, описываемой в романе, и Миру Вечности, т.е. мифологическому миру, образующему глубинный слой романа. Точнее было бы говорить о специфике мира, единственно реального для Стейнбека (и его героев), где религия есть Высший разум.

Исследователи творчества Стейнбека отмечают еще одну особенность антропонимов в романе: они организованы по принципу контраста, который актуализируется на графическом уровне: Cain - Abel; Cyrus - Alice; Charles - Adam; Cathy - Adam; Caleb - Aaron (Pratt 1970, p.28). Те персонажи, чьи имена начинаются с буквы С, символизируют зло, а персонажи, чьи имена начинаются с буквы А, ассоциируются с добром. Устанавливая связь между образами, Стейнбек постоянно сопоставляет и противопоставляет образы и тем самым концепты добра и зла, которые они репрезентируют. В таком сквозном противопоставлении, поддержанном как на смысловом, так и на графическом уровне, находят свое проявление два принципа, характерные для мифологического сознания: принцип цикличности, повторяемости и принцип бинарности.

Список библейских слов, выделенных нами, включает 69 слов, расположенных в порядке убывания их частотности в тексте романа (в скобках приводится количество их употреблений в тексте): love (198), believe (158), light (139), night (117), plant (tree, flower, grass) (117), death (107), God (106), hate (100), water (95), kill (89), dark (81), hell (51), anger (44), birth (40), sorrow (38), sin (37), church (36), danger (36), mark (scar) (34), punishment (34), dust (29), murder (28), garden (28), violence (27), life (27), jealousy (25), gift (25), evil (25), creature (animal, bird) (24), glory (21), guilt (21), suspicion (20), virtue (20), rage (19), devil (19), black (18), heaven (17), well (17), apple (15), contempt (13), faith (3), angel (2), candle (12), fierceness (11), fault (10), sacrifice (10), blame (9), holy (9), fruit (9), snake (7), wisdom (7), mustard (7), bless (7), vice (7), revenge (6), rejection (6), forgive (6), sheep (6), shepherd (3), pasture (3), multiply (2), clothe (2), crucifixion (1).

Приведенные слова отличаются высокой частотностью употребления: на 778 страницах текста романа отмечено 2260 словоупотреблений библейских слов. Как показывает анализ этих слов, большинство из них - это слова абстрактной семантики, связанные с доминантным смыслом как библейского, так и рецептирующего текста: love, hate, revenge, rejection, sacrifice, sorrow, life, death, good, evil, sin и т.д. Помимо слов абстрактной семантики, в число библейских входят и такие слова конкретной семантики, которые участвуют в создании

нарративной линии как библейского, так и рецептирующего текста и связаны с прецедентными ситуациями, описанными в библейском сюжете: *serpent, gift, garden, well, tree, truit* и т.д. Функционируя в рецептирующем тексте, большинство таких слов, приобретая новые смыслы, возникающие в результате семантического обогащения за счет связи с претекстом, могут становиться, как будет показано ниже, знаками мифов как устойчивых, стереотипных структур.

По характеру своей семантики и обозначаемых ими концептов, а также с учетом доминантного смысла романа, репрезентированного ключевым словом "timshel", они могут быть сгруппированы в несколько связанных между собою смысловых полей. Под смысловым полем, вслед за Л.М. Бо-совой, мы понимаем "функциональную систему актуального (доминантного) смысла, репрезентированного лексически" (Босова 1998, с. 14).

Таким образом, в качестве противопоставленных друг другу основных концептов, образующих такие смысловые поля, могут быть названы следующие концепты: *good - evil. God - devil, heaven - hell, love - hate, life - eath.*

Эти концепты представляют собой ведущие архетипы, лежащие в основе мифотворчества. Приведенный список концептов не является исчерпывающим. С одной стороны, он может быть свернут до двух, обладающих наибольшей степенью обобщенности и являющихся основными компонентами смысловой доминанты романа: *good - evil.* Другие могут рассматриваться в этом случае как производные от него. С другой стороны, возможно расширение и включение еще нескольких концептов, таких, например, как: *virtue -vice; light- dark* и т.д., поскольку образующееся смысловое поле -структура принципиально не замкнутая. Все элементы в нем, в том числе и периферические ассоциативные, могут иметь интегративный компонент, объединяющий их со смысловой доминантой.

Таким образом, образованные данными концептами смысловые поля оказываются связанными между собой многочисленными разнонаправленными связями. В центре каждого поля находится лексема, наиболее очевидно репрезентирующая интегративный компонент концепта, а в остальное пространство поля входят компоненты, связанные различными типами ассоциативных связей. Так, например, смысловое поле "evil" репрезентировано следующими лексическими единицами: *hate, dark, kill, danger, anger, scar, murder, jealousy, guilt, suspicion, rage, black, contempt, gift, fierceness, revenge, rejection, fury, punishment, serpent,* а смысловое поле "God" - лексическими единицами *love, light, believe, sin, punishment, gift, glory, heaven, reward, faith, good, angel, sacrifice, holy, bless, soul, peace, forgive.*

Подчеркнем, что мы выстраиваем смысловые поля на основе исследовательского анализа контекста романа, без привлечения результатов ассоциативного эксперимента. Поэтому определенная часть лексем, репрезентирующих выделенные нами смысловые поля, естественно оказывается отличной от модели смыслового поля, построенного по результатам ассоциативного эксперимента.

Выделенные смысловые поля характеризуются диффузностью своих границ, что обусловлено континуальностью смысла и непрерывностью концептуального пространства. Лексемы, репрезентирующие смысловые поля, могут в зависимости от выражаемого ими смысла и образования различных ассоциативных связей выходить в несколько полей. Например, лексема "love", являющаяся центральной в смысловом поле "любовь", входит также в смысловое поле "evil" на основе ассоциативной причинно-следственной связи: причиной дурных поступков детей часто является отвергнутая родительская любовь. Так выстраивается смысловая причинно-следственная ассоциативная цепочка: rejected love → anger → jealousy → murder → sin → punishment.

В контексте романа слова, не являющиеся собственно библейскими, могут вступать во взаимодействие с библейскими словами, репрезентируя новые смыслы, а часто и акцентируя значение библейских за счет указания на актуальные концепты. Таким словом, акцентирующим дьявольское начало в образе Кейси, является слово "hoof" ("копыто"). Описывая ангельскую внешность Кейси, автор добавляет: "Her feet were small and round and stubby, with fat insteps almost like *hoofs*" (p. 97). Слово, называющее один из атрибутов дьявола, ассоциативно актуализирует и весь концепт.

Значительный интерес представляют собой случаи использования не самого библейского слова, а производных от него, сохраняющих мотивационные связи с конвенциональным ассоциативным полем. Например, в первой главе романа при описании цветов, произрастающих в долине Салинас, Стейнбек использует производное прилагательное "sinful": "Then there were harebells, tiny lanterns, cream white and almost *sinful* looking, and these were so rare and magical that a child, finding one, felt singled out and special all day long" (p.5). С помощью этого слова впервые актуализируется концепт греховности человека, концепт, который становится затем одним из доминантных в романе: слово "sin" ("грех") повторяется в тексте романа 37 раз.

Число *образных* средств, заимствованных Стейнбеком из Библии и используемых в романе, невелико, однако они выполняют важную роль, участвуя, наряду с другими средствами интертекстуальности, в передаче доминантного смысла романа.

Основным образным средством, заимствованным из Библии, является метафора, что вполне закономерно, поскольку "именно метафора является одним из наиболее продуктивных способов *смыслопроизводства* на всех значимых уровнях языковой структуры (Метафора в языке и тексте 1988, с. 4).

Рассматривая библейские образные средства, используемые Стейнбеком, мы ставили своей целью проследить, изменилась ли внешняя структура образа, сохранился ли вид тропа или произошла его контекстуальная трансформация, какое-либо лексико-семантическое варьирование, и, самое главное, какова функция тропа в репетирующем тексте. Это позволяет доказать, что главным условием реализации любого стереотипа как интертекстуального средства является сохранение его смысловой доминанты при наличии различных содержательно-

формальных трансформаций. С этой целью мы обращаемся к сопоставлению контекстов из Библии и романа, содержащих образные средства.

Как показывает такой сопоставительный анализ, нередко Стейнбек использует библейские образные средства, не внося каких-либо значительных изменений в структуру образа, что позволяет провести параллель между претекстом (Библией) и рецептирующим текстом. Так, например, при использовании большинства метафор "райской образности" - слов "water", "garden", "fruit", "tree" и др. Стейнбек употребляет их в той же эмоциональной модальности, что и Библия. Эти метафоры имеют идиоматический характер и используются в качестве основных образов в символическом изображении человека, семейного счастья, продолжения рода, процветания и благополучия. Приведем примеры такого параллелизма в использовании образности:

Библия	Дж. Стейнбек
1. And God blessed them, saying. Be fruitful, and multiply , and fill the waters in the seas, and let fowl multiply in the earth (Genesis, ch.1)	1. Wherever a trickle of water came out of the ground a house sprang up and a family began to grow and multiply . (p.8).
2. And the Lord God planted a garden eastward of Eden, and there he put the man whom he had formed (Genesis, ch.2).	2. "He wants to make a garden of his land, and he will do it too" (p.238).
3. "Am I in God's stead, who hath withheld from thee the fruit of the wombi (Genesis, ch.30, 2). " And all the souls that came out of the loins of Jacob were seventy souls..." (Exodus, ch.,5).	3- "Samuel was well pleased with the fruit of his loins " (p.59)

Стейнбек трансформирует библейскую метафору, соединяя в одной фразе две библейские метафоры: fruit и loins, что приводит к изменению внешней структуры образа при сохранении как вида тропа, так и его смыслового содержания (пример 3).

Как показывает анализ библейских образных средств, используемых Стейнбеком, их основная функция заключается в характеристике персонажей. При этом за каждым из характеров закрепляется один или несколько библейских символов, которые могут переплетаться в тексте,

поскольку художественный текст - это, как правило, "система взаимообусловленных метафорических смыслов" (Пищальщикова 1996, с. 34). Характеристика персонажей осуществляется путем специфического использования компонентов конвенциональных стереотипов (мифов). Каждый такой компонент актуализирует некоторое библейское содержание, задавая реципиенту необходимость обязательного соотнесения библейских концептов с персонажами романа.

Результатом функционирования библейских метафор в тексте является то, что они становятся своеобразным маркером того или иного персонажа. Так, образ Самуэля ассоциируется с библейскими символами "свет" и "колодець". Концепт "свет" служит обозначением мудрого, светлого начала в человеке, а лексема "колодець" реализует два метафорических значения: "место встреч" и "источник жизни". В образе этого персонажа воплощены оба метафорических значения: благодаря своему дару находить воду и рыть колодцы Самуэль встречается со многими людьми и, находя для них воду, приносит им материальное благополучие. Метафора "mark" ("scar") становится знаком персонажей, воплощающих зло в романе: по шраму Чарльз и Кейси "опознают" друг друга.

Другой метафорой, участвующей в создании образа Кейси, является "snake". Наиболее частотное слово "snake" употребляется при описании Кейси, однако при этом главную роль в создании образа играет не столько дистантный повтор самого слова, сколько настойчивое воспроизведение деталей внешности и поведения Кейси, вызывающих в сознании ассоциации со змеей: маленькие, немигающие глаза ("her eyes were expressionless and cold... her eyes did not seem to blink" (p. 108-109); "Her wide-set eyes communicated nothing" (p.225)), маленький острый язык и зубы ("Cathy moistened her lips with a little pointed tongue" (p. 176); "She looked up as she put it between her small sharp teeth" (p.225); "...her lips raised snarling from her little teeth "(p.252); "Her head jerked and her sharp teeth fastened on *his* hand across the back and up into the palm near the little finger" (p.253)).

Не случайно после ее укуса Самуэль просит обработать рану и говорит: "Humans are more poisonous than snakes" (p. 254), а врач, констатируя факт смерти Фэй, убийство которой Кейси умело закамуфлировала под действие ботулизма, заключает: "That goddamn botulism. Worse than a rattlesnake" (p.329).

Впечатление усиливается за счет дистантного повтора слов, репрезентирующих концепт "страх", "опасность", передающих реакцию окружающих: "Groups of boys and girls avoided her as though she carried a nameless danger" (p.98); "Samuel shivered" (p.225); "He looked at her with fear... Samuel shuddered"(p.254).

Параллельно с этим автор использует прием контраста между ангельской внешностью Кейси и ее сатанинской сущностью, и таким образом, как подчеркивает М.Е. Обнорская, способствует выдвиганию библейского мотива по типу конвергенции (Обнорская 1999, с. 51).

Моделирующее влияние языка и стиля Библии обнаруживается и в ритмико-синтаксической структуре романов Стейнбека. В

исследованиях, посвященных изучению ритмико-синтаксических особенностей библейского текста, отмечаются следующие наиболее характерные черты, реализующие особую эмоциональность и неповторимость ритма библейской прозы: многочисленные повторы на различных уровнях, создающие эффект "самоперевода" ("self-translation"), суть которого заключается в том, что один и тот же смысл передается несколько раз, что способствует его полной экспликации; параллельные конструкции, а также полисиндетон (Alter 1983, p. 198). Их сочетанием и достигается эмоциональное воздействие библейского текста на читателя/слушателя. Напомним, что библейский текст изначально предназначался не столько для чтения, сколько для восприятия на слух, поэтому столь велика роль его ритмико-мелодической организации.

Как показал анализ, все перечисленные ритмико-синтаксические приемы оказываются присущими ритмической организации романа Стейнбека, что сближает его в некоторых фрагментах текста с библейской тональностью. При этом следует отметить, что наиболее отчетливо библейская тональность проявляется в точках высокого эмоционального напряжения, т.е. в местах репрезентации доминантного смысла. В качестве основных приемов создания ритмомелодии, близкой к библейской, выступают: разноуровневый (лексический, морфологический и синтаксический) повтор, полисиндетон, многочисленные однородные члены и параллельные конструкции, а также антитеза.

Представляется, что моделирование ритмико-синтаксической структуры, близкой к библейскому тексту, осуществляется в силу ведущего мотива речевой деятельности автора текста, понимание которого требует постоянной актуализации связей с библейским текстом. Не только целенаправленная репрезентация доминантных смыслов, осуществляемая вербально, но и эмоциональное вхождение в ритмику библейского текста постоянно акцентирует глубинную связь прецедентного текста с анализируемым. Направление понимания текста, таким образом, задается и неосознаваемо.

Наиболее отчетливо это проявляется в экспозиции романа при описании природы долины Салинас, в авторских лирических и философских отступлениях, которыми изобилует роман, при описании странствий Адама по Америке, при передаче наиболее эмоциональных моментов в общении Адама и Чарльза, в речи героев, особенно Самуэля, Адама и Ли.

Приведем пример фрагмента текста, в котором, по нашему мнению, связь с ритмико-мелодической организацией Библии прослеживается наиболее четко.

"Virtue and vice were warp and woof of our first consciousness, and they will be the fabric of our last, and this despite any changes we may impose on field and river and mountain, on economy and manners" (p. 54).

Возвышенное библейское звучание приведенного фрагмента текста достигается за счет использования однородных членов, объединенных попарно с помощью аллитерации (virtue and vice, waif and woop),

сочинительному ряду, включающему пять однородных членов, сведенных полисиндетоном (... on field and never and mountain, on economy and manners), антитезы, реализованной противопоставлением слов first и last. Эти приемы более очевидны на фоне использования коротких, в основном одно- и двусложных слов, а также опущения артиклей, что позволяет реципиенту воспринимать текст практически операционально, понимать его, опираясь на когнитивные и эмоциональные стереотипы. Такой ритм неосознанно задает связь с особой библейской лексикой, за которой стоят конвенциональные стереотипы (компоненты библейского мифа), воспринимаемые также в их устойчивом конвенциональном значении, т.е. операционально.

Анализ интертекстуальных связей, репрезентированных в ритмико-синтаксической структуре текста, показывает, что моделирование ритмических характеристик, аналогичных библейскому тексту, осуществляется в тех "точках" текста, которые репрезентируют наиболее актуальные компоненты доминантного смысла, в том числе и эмоциональный компонент. Следовательно, интертекстуальные связи реализуются не только на вербальном уровне текста, но и на синхронизированном с ним ритмико-синтаксическом. Таким образом, актуальным для реципиента оказывается "промежуточное" между библейским и небиблейским смысловое пространство - пространство авторских доминантных смыслов, которое является результатом взаимной детерминации мифологической (стереотипной) и бытийной сфер концептуальной системы индивида.

В заключительном параграфе главы рассматриваются вопросы, связанные со способами репрезентации авторского смысла. Способ представления смысла с помощью интертекстуальных включений, т.е. намеренного моделирования структурно-содержательных особенностей прецедентного текста в пределах создаваемого, относится к числу наиболее сложных. Понимание текста с интертекстуальными включениями составляет третий, распредечивающий уровень (Богин 1993, с. 105-107), связанный не только с пониманием словесных знаков и событийного содержания текста, но и с интерпретацией межтекстового смыслового пространства, возникающего в результате взаимодействия прецедентного и рецептирующего текстов. Результаты эксперимента, проведенного в ходе исследования и описанные в этом параграфе, подтвердили данное положение и продемонстрировали значимость межтекстовой компетенции читателя в понимании смысла текста с высокой степенью прецедентной плотности. Такая компетенция может быть достигнута лишь в результате обращения к серьезному чтению, к книгам, авторы которых ведут диалог как с предшествующей, так и с последующей культурой. Пытаясь разгадать смысл таких "молчащих мест", в которых автор представляет его с помощью отсылок к библейскому, классическому мифу или другому литературному памятнику, читатель вынужден обращаться к этим прецедентным текстам, перечитывать их, переосмысливать их в новом контексте. Именно такая работа ума и воображения способствует развитию ментальных структур понимания, вербальной рефлексии.

Проведенное исследование позволило выявить перспективы дальнейшей работы в заявленном направлении. Результативным, несомненно, представляется сопоставление реализации принципа интертекстуальности прозы Дж. Стейнбека с произведениями других авторов, также использующих библейский миф как основу художественного творчества. Это позволит установить состав интертекстуальных фреймов, способствующих пониманию текста, моделирующего в той или иной мере прецедентные.

Важным и перспективным может стать изучение проблемы "миф и среда его обитания", что позволит выявить закономерности переструктурирования мифа в зависимости от концептуальной системы - среды его функционирования.

Не менее перспективным, является, на наш взгляд, более широкое использование эксперимента для изучения роли межтекстовой компетенции в понимании смысла текста. Это направление является перспективным и в практическом плане, так как его результаты могут быть использованы в практике обучения интерпретации текстов, поскольку оно позволяет детально исследовать и стратегии понимания.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Библейские мотивы в произведении Д. Стейнбека "На восток от Эдема" // Культура и текст. Материалы международной научной конференции 10-11 сентября 1996 года. Вып. 1. - Часть 2. Санкт-Петербург - Барнаул, 1997. - С. 124-126 (в соавт. с М.Е. Обнорской).

2. Поэтический мотив в произведении Д. Стейнбека "На восток от Эдема" // Язык и культура. Материалы международной научной конференции. Барнаул, 1997. С. 82-86.

3. Культурные факторы, влияющие на восприятие иноязычного текста (на материале романа Дж. Стейнбека "На восток от Эдема") // Человек. Коммуникация. Текст. Вып.2. Часть 1. - Барнаул, 1998. - С. 174-176.

4. Библейский миф как компонент идиостиля писателя // Формирование копилингвистической компетенции: проблемы и перспективы. Программа и тезисы международной научно-практической конференции. - Барнаул, 1998. - С. 97-99.

5. Библейские антропонимы в романе Джона Стейнбека "На восток от Эдема" // Проблемы вербальной коммуникации и представления знаний. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Иркутского государственного лингвистического университета. - Иркутск, 1998. - С. 96-98.

6. Интертекстуальность как прием выдвижения в произведении Дж. Стейнбека "На восток от Эдема" // Актуальные проблемы стилистики декодирования, теории интертекстуальности, семантики слова и высказывания. Сборник трудов, посвященных юбилею докт. филол. наук, проф. И.В. Арнольд. - Санкт-Петербург, 1998. - С. 54-60. (в соавт. с М.Е. Обнорской).

7. Основные тенденции исследования функционирования мифа в художественном тексте // Языковое бытие человека и этноса:

психолингвистический и когнитивный аспекты. - Барнаул, 1999. - С. 31-38.